

Применение теории баланса сил Киссинджера в дипломатической практике (на примере Китая)

*Ван Чунхуа, асп. БГУ,
науч. рук. Кошелев В. С., д-р ист. наук*

Киссинджер пришел к управлению внешней политикой США в конце 1960-х гг. В результате он вел секретную дипломатическую деятельность, руководствуясь своей теорией баланса сил, и положил начало для американо-китайских отношений. Ряд сбалансированных дипломатических действий по достижению этой цели в конечном итоге сократили количество потенциальных конкурентов для США на мировой арене, позволили ослабленным Штатам сделать передышку и заложили прочную основу для окончательной победы Соединенных Штатов в холодной войне.

Во время его пребывания в правительстве представление Киссинджера о Китае существенно изменилось. «Китай, так называемая центральная империя, на протяжении большей части исторического периода занимал верховное положение в связанных с ним регионах. Когда ему угрожают, Китай стремится к безопасности, заставляя соседние страны [считающиеся варварскими] контролировать и уравнивать. Эмпирический метод является варварским с отдаленным местом. Переговоры относительно безопаснее, чем недавние» [1, с. 139].

Киссинджер полагал, что в то время [1960–1970-е гг.] «отдаленным варваром» для Китая были Соединенные Штаты, а более близким – Советский Союз. Дипломатическая цель Китая состояла в том, чтобы ограничить надвигающуюся угрозу Советского Союза, которая соответствовала стратегии Соединенных Штатов по прекращению войны во Вьетнаме. Дилемма снижения статуса и сдерживание дипломатических целей Советского Союза вполне очевидна, что является основной причиной того, что лед в китайско-американских отношениях не был сломлен, и они не получили стремительного развития. Он написал в своих мемуарах: «Очевидная угроза, исходящая от концентрации сил Советского Союза над общей границей в 4 000 миль, вынудила Китай попытаться усмирить своих врагов и получить еще одно преимущество для противодействия советскому давлению. ... То, что хотят китайцы, – это не пустые услуги или даже практические шаги, которые были основной сутью разговора в прошлом ... То, что они хотят, – это стратегическая гарантия того, что они будут окружены вражескими угрозами» [2]. Переговоры и сотрудничество между Китаем и Соединенными Штатами в связи с их геостратегическим консенсусом вышли далеко за рамки обыч-

ной дипломатической координации. В «Совместном китайско-американском коммюнике» [Шанхайское коммюнике] от 28 февраля 1972 г. говорится, что «ни одна страна не должна стремиться к гегемонии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и каждая сторона выступает против усилий любой другой страны или группы стран по установлению такой гегемонии» [3, с. 572]. Киссинджер считает, что, хотя об этом не говорится прямо в коммюнике, но очевидный вывод состоит в том, что Китай и Соединенные Штаты объединились, чтобы противостоять советской власти. В течение этого периода представление Киссинджера о Китае и его отношении к этой стране кардинально изменились по сравнению с периодом его академической карьеры. Китай больше не являлся опасной революционной страной. Его лидер – мастер политики баланса сил. Если союзники используются для определения участия Киссинджера, построенные отношения между Китаем и США носят весьма умозрительный характер. По крайней мере, по мнению Киссинджера, Китай является надежным партнером Соединенных Штатов в геостратегическом сотрудничестве в мире. «Китайско-американо-советский стратегический треугольник», в строительстве которого принимал участие Киссинджер, не только служит интересам Китая и США, но и восстанавливает глобальный стратегический баланс сил. Он написал: «Эффективность дипломатии треугольника зависит от первоначальных мотивов и склонностей участников состязания. Эта дипломатия не должна создавать впечатление, что вы “используете” одну сторону соревнования для противостояния другой, иначе вы рискуете нарваться на месть или шантаж. Нам необходимо поддерживать более тесные отношения с Китаем и Советским Союзом, иметь более тесные отношения друг с другом, и только так враждебные отношения между Китаем и Советским Союзом могут наилучшим образом служить нашей цели» [2]. «Близость Китая и Соединенных Штатов была обусловлена объективной необходимостью: не из-за абстрактной доброй воли, которая заставила меня приехать в Пекин, не из-за общих интересов обеих сторон, и не из-за моей личной дружбы с Чжоу Эньлаем, а из-за общего согласия о том, что опасность способствовала развитию отношений между двумя странами. Но четкое признание этой выгоды и принятие решительных действий – вот где лидеры работают, и именно лидеры обеих сторон умело используют эту альтернативу. Китай и Соединенные Штаты стремились к примирению с начала 1970-х гг., что было определено окружающим миром» [3].

Во время участия Киссинджера в формировании внешней политики США, баланс сил в военной сфере между Соединенными Штатами и Советским Союзом был под угрозой нарушения. Будь то обычное оружие или ядерное оружие, Соединенные Штаты были слабее СССР. Чтобы сохранить

хрупкий паритет между Соединенными Штатами и Советским Союзом в военной области, Киссинджер и Никсон провели первые переговоры об ограничении стратегических вооружений.

Литература

1. Years of upheaval / Henry Kissinger. – Boston : Toronto : Little, Brown, 1982. – XXI, 1283 с.
2. White House years / Henry Kissinger. – Boston [etc.] : Little, Brown, 1979. – XXIV, 1521 с.
3. Отдельные материалы по истории международных отношений / Уханьский университет. – 1983. – 645 с.

Политика Германии в НАТО в начале XXI в.

*Велямович И. О., студ. I к. БГУ,
науч. рук. Рубо О. П., канд. ист. наук*

После распада ОВД, а затем и СССР, НАТО встала перед необходимостью поиска новых задач, новой легитимности и нового смысла своего существования [1, с. 49]. Теперь этот альянс должен был отвечать современным проблемам, которые связаны с экологическими и технологическими катастрофами, международным терроризмом и необходимостью урегулирования локальных конфликтов [2, с. 45].

ФРГ, имея свой исторический бэкграунд, стремится применить в первую очередь политические, экономические меры и только в крайнем случае военные. С этим связан отказ от прямого использования бундесвера в силовых операциях с участием стран-участниц НАТО в Ираке (2003), Ливии (2011) и в планировавшейся операции в Сирии (2013); использование германских войск в Афганистане (с 2001-го) для обучения местных вооруженных сил, а также минимизация участия германских войск в тренировочной деятельности Альянса в Восточной Европе в 2014 г. [3, с. 117].

Правительство, возглавляемое Г. Шредером в 2003 г., выразив отказ в поддержке США вторгнуться в Ирак, инициировало серьезный кризис в отношениях. Но в 2005-м правительство с А. Меркель восстановило баланс атлантизма и европеизма. Атлантизм – одна из основ внешнеполитического вектора любого правительства Германии. При этом более глубокая интеграция в военной сфере в рамках ЕС выгодна для Германии, поскольку дает возможность усилить армию без риска столкнуться с обвинениями в реваншизме, а также позволяет избегать участия в нежелательных для себя военных операциях, какой была, например, операция НАТО в Афганиста-